

Сальвадор Альенде, 11 сентября 1973 года...

Он должен был стать однажды президентом Чили. «Эта плоть – для бронзы» сказал он о себе как-то полусуто одному из политических противников. Три раза подряд он проигрывал президентские выборы. В одном из интервью его спросили о том, какую бы эпитафию ему хотелось бы иметь на собственной могиле. Он ответил – «Здесь покоится Сальвадор Альенде, будущий президент Республики Чили».

Альенде было непросто стать лидером левых сил – со студенческих лет его считали «пихе», это слово значит в Чили нечто среднее между «пижоном» и «стилягой». Ему нравилась красивая и дорогая одежда, хорошая кухня, виски Чивас Ригал, он был неравнодушен к женщинам... У Альенде не было ничего общего с плакатным образом революционера-аскета, творящего историю из кельи собственных идеологических догм. Больше всего в жизни он любил саму жизнь и знал, что жизнь должна была быть прекрасной во всех своих проявлениях.

Его требования к эстетике были частью этики, где не было ничего от позерства или рисовки. Трудно сказать насколько близки к «научному марксизму» были его убеждения. Наверное, по духу он был все-же скорее социалистом-утопистом. Знавшие его лично говорят, что его главными чертами являлись чувство собственного достоинства и преданность друзьям и идеям.

На одной из пресс-конференций ему задали вопрос, за какую идею стоит умереть. Он сказал – «За ту, без которой не стоит жить».

Слово «народ», которое он часто употреблял, было для него наполнено высшим, почти религиозным смыслом, за которым стояли глаза и лица тех, к кому он относился с бесконечным уважением и бесконечной нежностью, и он чувствовал, что его личная миссия – стать инструментом, орудием в достижении миллионами обездоленных соотечественников права на образование, культуру, человеческую жизнь. Власть, которую он искал и к которой всю жизнь стремился, была для него средством для досижения его самой большой мечты – построения в Чили общества, основанного на справедливости и уважении к ближнему.

Когда он стал президентом, многие обвиняли его в «буржуазности» и «реформизме», требуя ускорить революционный процесс и порвать с «буржуазной конституцией». Его кодекс чести не допускал возможности нарушения им конституции, соблюдать и защищать которую он поклялся, принося присягу президента. Когда в Сантьяго просвистели первые пули, многие из вчерашних «революционеров» бросились по иностранным посольствам просить политического убежища. Альенде был сделан из другого теста.

В последние месяцы его правительства в стране царил хаос. Рассекреченные и опубликованные в позапрошлом году архивы ЦРУ подтвердили все, что и так было известно. Спецслужбы США финансировали забастовки, парализовавшие чилийскую экономику и организовали серию терактов и убийств в стране. Для дестабилизации положения в стране США передавало деньги как ультраправым, так и ультралевым. И в Чили находились собственные Усамы... Так что пусть

никого не удивляют через 30 лет документы о подготовке нападений США на Югославию, Афганистан и Ирак и пусть никого не коробит от старого и избитого термина «империализм». Даже североамериканский военный преступник Колин Пауэлл сказал в связи с ролью его страны в чилийских событиях что «Соединенным Штатам в этой истории совершенно нечем гордиться». Все разговоры о «вмешательстве Советского Союза» оказались ложью. Сегодня в нашем распоряжении есть архивы документов КГБ и советской военной разведки с анализом чилийской ситуации и рекомендациями для ЦК. Советского вмешательства не было. Более того, Советский Союз отказал Чили в кредите, с просьбой о котором обратилось к нему правительство Альенде в условиях падения мировых цен на медь (в те годы – главного источника доходов для чилийского государства) и усиливавшегося экономического давления со стороны США. В последние годы десятки продажных журналистов, в надежде на хорошее вознаграждение от пиночетистских фондов передлопатили тонны документации, но увы... Советский Союз в начале 70-х был слишком занят улучшением отношений с Соединенными Штатами и чилийский эксперимент, столь мало вписывающийся в советские представления о «правильных» социалистических революциях вовсе не являлся для СССР приоритетной темой. Кроме того, все аналитические отделы советских спецслужб совпадали в выводах об обреченности правительства Народного Единства, т.к. в Чили не существовало никаких реальных механизмов по защите ее «демократической революции». К сожалению, они оказались правы.

Тысяча дней правления Альенде останутся в памяти многих как самое трудное и счастливое время их жизни. Множество детей из бедных семей впервые получили доступ к университетскому образованию, главное богатство страны – медь - было возвращено стране декретом о национализации, и все это сопровождалось невиданным ранее всплеском культурной жизни и ростом национального самосознания... Впервые в мире в Чили строилось социалистическое общество, сторонники которого победили на свободных демократических выборах и происходило это без каких бы то ни было репрессий против инакомыслящих и без стремления установить «диктатуру пролетариата».

Правительство Альенде было одной из немногих в истории попыток объединения очень различных между собой сил – от марксистов-ленинцев до левых христиан и социал-демократов. В правительственном блоке Народного Единства было все что угодно, кроме единства. Если компартия выступала за взвешенность и постепенность каждого шага, прекрасно понимая, что реальных рычагов власти у правительства куда меньше, чем кажется, руководство родной партии Альенде – Социалистической, одним из создателей которой являлся он сам, требовала от правительства и президента ускорения и радикализации революционного процесса. Выступавшие с зажигательными речами лидеры социалистов отталкивали от процесса благополучные средние слои и провоцировали военных. Перешедшее в оппозицию Левое Революционное Движение (МИР) занималось самозахватом предприятий и поместий, пытаясь таким образом оказать на Альенде давление и заставить его отойти от конституционного пути реформ. Улицы и площади Сантьяго превращались в поле битв между ультраправыми боевиками и студентами-сторонниками правительства. В результате саботажа с одной стороны и некомпетентностью правительственных чиновников – с другой

страна переживала постоянные трудности со снабжением продуктами и повсюду выстаивались очереди.

Чилийская олигархия и транснациональные корпорации, впервые ощутив реальную угрозу своим вечным привилегиям, в отличие от сторонников правительства, проявили завидное единство и умело пользовались каждой из ошибок Народного Единства.

Тем не менее, популярность его правительства росла. На президентских выборах в сентябре 1970 года Альенде получил 36,6% голосов. Через два с половиной года, в марте 1973 года, на выборах в парламент, за представителей партий Народного Единства было отдано 43,9% голосов. Планы оппозиции на мирное, парламентское свержение Альенде провалились и была сделана ставка на военный путч.

Однако, к середине 1973 года ситуация в стране сильно изменилась. Три года саботажа и провокаций, вмешательство ЦРУ и разногласия внутри партий Народного Единства, привели к нарастанию в Чили атмосферы хаоса, и правительство все больше теряло контроль над ситуацией. Его социальная база начала сужаться, а давление на него изнутри и извне усиливалось. Политические руководства партий Народного Единства не могли договориться между собой и в то же время не позволяли Альенде действовать по собственной инициативе. Для выхода из этой ситуации стал необходим поиск компромисса со второй политической силой страны – правоцентристской Христианско-Демократической партией. Христианские демократы, возглавлявшиеся в те годы Патрисио Эйльвином, попытались с позиции силы навязать соглашение, подразумевавшее свертывание правительством программы социальных преобразований. Принять эти условия значило бы капитуляцию и отказ от целей Народного Единства. Его неприятие значило открыть двери военному вмешательству. В этой ситуации Альенде, несмотря на сопротивление значительной части сторонников и прежде всего – руководства собственной Социалистической партии, принимает трудное решение. Он готовит проведение общенационального плебисцита на вотум доверия своему правительству и в случае поражения собирается подать в отставку и созвать досрочные президентские выборы. Днем публичного заявления об этом решении выбирается вторник, 11 сентября 1973 года.

Поражение правительства Народного Единства на этом плебисците было наиболее вероятным исходом, но учитывая реалии того времени это было единственным выходом позволявшим сорвать переворот, и тем самым спасти тысячи жизней и в то же время не отказываться от своих убеждений, идя на поводу у христианской демократии. Ставший президентом для и ради своего народа, Альенде не мог и не хотел играть чужими жизнями.

4 сентября 1973 года, перед президентским дворцом Ла-Монеда состоялась самая большая из демонстраций в поддержку правительства. На ней было более миллиона человек. Народ пришел проститься со своим президентом.

Наверное, он не раз представлял себе этот серый день 11 сентября. Низкая облачность осложняла приближавшуюся бомбардировку президентского дворца. В эфире – военные марши и первые декреты хунты. «Учитывая глубочайший

социальный и моральный кризис, переживаемый страной, господин Президент Чили должен немедленно передать свои высокие полномочия представителям вооруженных сил и карабинеров... Армия, военно-морской флот, военно-воздушные силы и корпус карабинеров полны решимости...». Помощи не будет. Он, демократически избранный президент Республики Чили, первый в мире демократически избранный президент-социалист спокоен и сосредоточен.

Место президента – в президентском дворце. Вместе с ним – несколько десятков ближайших соратников, молодые ребята-добровольцы из личной охраны «ГАП» – «grupo de amigos personales», президентская гвардия и группа следователей из МВД.

Еще восемь человек из ГАП, страшему из которых нет и тридцати, занимают позиции в здании напротив – в Министерстве Финансов. У них – легкое оружие и ни у одного из них – никакой военной подготовки. Против них – танки и авиация. Когда прозвучат первые выстрелы, двое из этих восьми бросят оружие и впадут в состояние безвольного оцепенения, которое будет прервано лишь контрольными выстрелами штурмующих. Остальные шестеро будут сражаться, стреляя по наступающим войскам из окон, а генералы-путчисты годами будут рассказывать миру басни о том, что с ними воевали тысячи вооруженных кубинцев.

В эти минуты, укрывшись в одном из дальних гарнизонов Пиночет, дает своим писклявым старушечьим голосом приказы.

Альенде отказывается от предложенного ему пуленепробиваемого жилета, потому что жилетов для других нет.

В президентский дворец, над которым поднят президентский флаг, прорвавшись через патрули и заслоны продолжают прибывать люди. На своем маленьком 600-м ФИАТе подъезжает похожий на подростка бывший министр правительства Анибаль Пальма, находит Альенде в его кабинете и говорит ему:

- Президент, я услышал по радио, вы сказали что все трудящиеся должны находиться на своих рабочих местах. Поскольку я сейчас безработный, я приехал сюда попросить, чтобы мое рабочее место было здесь, рядом с вами...
- Анибаль, я знал что вы придете, - обнимая его, отвечает Альенде.

Подходит министр образования Эдгардо Энрикес и сообщает президенту, что больше трехсот сотрудниц его министерства прибыли на работу, в нескольких десятках метров от дворца и отказываются возвращаться домой.

- Они говорят, что решили остаться, чтобы выразить вам свою верность, Президент.

С трудом справившись с эмоциями, Альенде отвечает:

- Уходите с ними, дон Эдгардо, объясните им что я очень благодарю их, но они не должны рисковать...

Проходя через коридоры Ла Монеда Энрикес видит журналиста Аугусто Оливареса, сидящим на корточках, неуклюже пытаюсь собрать автомат. Он подходит и вздыхает: - Плохи наши дела... Когда журналист сам собирает автомат, это значит, его некому защитить...

Один из руководителей социалистов Эрнан дель Канто прибывает в Ла-Монеду по поручению своей партии. Альенде отказывается принять его. Дождавшись подходящего момента, дель Канто сам подходит к нему:

- Президент, я пришел от имени руководства партии, чтобы спросить вас, о том что нам делать, где мы должны быть?

- Не понимаю, - отвечает Альенде.

Дель Канто, запинаясь, повторяет вопрос. Альенде раздраженно перебивает его:

- Я знаю где мое место и что должен делать я. Никогда раньше вас не интересовало мое мнение, почему вы просите его именно сейчас? Вы, так много выступавшие и призывавшие, должны сами знать что вам делать. О том, что является моим долгом, я знал с самого начала.

Звонит телефон. На линии – адмирал Патрисио Карвахаль, требующий немедленно соединить его с президентом. Альенде подводят к телефону. Молча и спокойно склонившись над телефоном он выслушивает предложение о самолете в случае сдачи. Когда Карвахаль заканчивает, Альенде резко как сжатая пружина выпрямляется и кричит в трубку:

- Что вы себе позволяете, продажные твари!... Засуньте ваш самолет себе в ж...! Вы разговариваете с президентом Чили! И президент избранный народом не сдастся!..

Перед президентом – три его военных адъютанта, представляющие три рода вооруженных сил - армию, флот и авиацию. Их должности - символ подчинения военных гражданской власти. После нескольких секунд молчания, один из них решается:

- Президент, мы могли бы говорить с вами?...

- Я вас слушаю, - отвечает Альенде, глядя в глаза говорящему.

- Президент, позвольте передать вам обращение нашего ведомства. Военно-воздушные силы подготовили для вас ДС-6, чтобы вылететь куда вы прикажете. Разумеется, вместе с семьей... и теми, кого посчитаете нужным взять.

- Президент, - вмешивается адъютант от флота, - Если вы проанализируете ситуацию, вы согласитесь, что бесполезно сопротивляться самолетам, танкам и пушкам. Нет смысла, Президент...

- Президент, - добавляет адъютант от армии, - Думаю, что важно, чтобы вы учитывали, что вооруженные силы едины. Это совместная акция. И зная это, вы должны понять, что любая попытка сопротивления бессмысленна.

- И есть еще одна информация, которую мне только что сообщили, Президент, - вставляет адъютант от авиации, - готовится бомбардировка Ла-Монеды.

- Это все? – спрашивает Альенде.

Ответ - молчание. Президент продолжает:

- Нет, господа, я не сдамся. Так что скажите своему командованию, что я не уйду отсюда и не сдамся. Это мой ответ. Живым я отсюда не выйду, даже если будут бомбить Ла-Монеду. И последняя пуля будет сюда, - он указывает дулом автомата на свой рот.

Опять напряженная тишина.

- Нет, президент, не может быть... - пытается что-то возразить один из них. Альенде жестом прерывает его.

Военный адъютант спрашивает:

- Что нам прикажете делать, президент?

- Уходите отсюда, я не могу вам здесь гарантировать безопасность.
Возвращайтесь в свои ведомства. Это приказ.
На прощание Альенде пожимает им руки и обнимает одного из них.

Он был свободным человеком и любил жизнь больше всего на свете. Принятое им решение делало его еще более свободным. Предложение путчистов глубоко оскорбило его. Принять его значило предать самого себя и народ, поверивший в его проект демократического социализма. Принять это предложение значило бы передать свой моральный авторитет тем, у кого его никогда не было.

9:15 утра. Он садится в свое кресло и просит связать его с радио. Он прокашливается, чтобы очистить голос и начинает говорить с тем глубоким чувством покоя, которое возможно только после преодоления страха смерти. Ему 65 лет и это его последняя речь:

"Друзья мои, это моя последняя возможность обратиться к вам. Военно-воздушные силы бомбили радиостанции. "Порталес" и "Корпорасьон". В моих словах нет горечи, в них есть только разочарование и они станут моральной карой тем, кто нарушил свою клятву... солдат Чили, командующим родами войск, самозванному адмиралу Мерино, сеньору Мендосе – генералу-холую, который еще вчера клялся в верности правительству, а сегодня назначил себя Генеральным Командующим Карабинеров. Перед лицом всего этого мне остается сказать трудящимся одно - я не уйду в отставку. Оказавшись на этом перекрестке истории я заплачу жизнью за верность народа. И я уверен, что семена, которые мы заронили в достойное сознание тысяч и тысяч чилийцев, уже нельзя будет уничтожить.

У них есть сила. Они могут уничтожить нас. Но ни сила, ни преступления не смогут остановить социальные процессы. История принадлежит нам и ее делают народы.

Трудящиеся моей родины! Я благодарю вас за верность, которую вы всегда проявляли, за доверие, оказанное вами человеку, который был лишь выразителем глубоких чаяний справедливости и который, поклявшись уважать конституцию и закон, сдержал свое слово. В этот решающий момент, последний, когда я могу обратиться к вам, я хочу, чтобы вы научились на этом уроке. Иностраный капитал, империализм в союзе с реакцией создали условия, при которых вооруженные силы нарушили традицию, которой учил их Шнайдер и которую поддерживал команданте Арайя, жертвы той же группы общества, которая отсиживается сегодня по домам и ждет как чужие руки передадут ей власть, чтобы и дальше защищать свои доходы и привилегии.

Я обращаюсь прежде всего к простой женщине нашей земли, к крестьянке, которая верила в нас, к рабочей, которая трудилась больше, к чилийской матери, знавшей о нашей заботе о ее детях.

Я обращаюсь к вам, специалисты моей родины, специалисты-патриоты, те, кто продолжал работать вопреки саботажу предательских профсоюзов, классовых профсоюзов, защищавших привилегии, которые в капиталистическом обществе

есть лишь для немногих.

Я обращаюсь к молодежи, к тем, кто с песней отдавал свой задор и дух борьбы.

Я обращаюсь к чилийцу - к рабочему, крестьянину, интеллигенту, к тем, кого еще будут преследовать... потому, что в нашей стране уже давно действует фашизм, организовавший террористические покушения, взрывавший мосты, перерезавший железнодорожное сообщение, разрушавший нефтепроводы и газопроводы, при пособничестве молчании тех, чей долг был вмешаться и положить этому конец. История осудит их.

Радиостанцию «Магальянес» наверняка тоже заставят замолчать и спокойный металл моего голоса не дойдет до вас. Не важно. Вы все равно будете слышать его. Я всегда буду рядом с вами. По крайней мере память обо мне будет памятью о человеке достойном, сумевшим ответить верностью на верность трудящихся.

Народ должен защищаться, но не должен приносить себя в жертву. Народ не должен позволить уничтожить себя, но не должен допустить, чтобы его унижали.

Трудящиеся моей родины, я верю в Чили и ее судьбу. Другие люди переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что недалек тот день, когда вновь откроется широкая дорога, по которой пройдет свободный человек, чтобы строить лучшее общество.

Да здравствует Чили! Да здравствует народ! Да здравствуют трудящиеся!

Таковы мои последние слова. И я уверен - моя жертва не будет напрасной. Я уверен, что она станет, по крайней мере, моральным уроком и наказанием вероломству, трусости и предательству."

Когда он замолкает, во дворце царит тишина.

- Казалось, он всю жизнь готовился к этому моменту. Он был самым цельным из всех нас и полностью контролировал ситуацию. Он оставался президентом Чили, - вспоминал впоследствии инспектор Сеоане.
- Я сидел напротив него. Когда я его слушал, у меня стоял ком в горле, я думал: «Какой великий, великий это человек». Я чувствовал такое восхищение, что хотелось плакать. Президент прощался, и в этом прощании была вся его цельность и последовательность. На наших глазах он превращался в героя. Когда он закончил, мы все встали и наступила долгая и плотная тишина. Потом мы все вместе с ним вышли из его кабинета, - вспоминает доктор Артуро Хирон.

Президент принимает решение о том, что с ним останутся только те, кто хочет. Он предоставляет свободу действия президентской гвардии, состоявшей из карабинеров. В этот момент ему не нужны оплачиваемые защитники, уже не важны ни должности ни чины, честь остаться с ним во дворце – вопрос личной совести и чувства долга каждого. Карабинеры уходят, но президент приказывает им оставить оружие защитникам дворца. Потом Пиночет расскажет об «арсеналах, найденных в Ла-Монеде».

С таким же предложением он обращается и к специальной следственной бригаде из министерства внутренних дел, отвечавшей за его безопасность. Из семнадцати, шестнадцать решают остаться.

- Я остался, потому что это был мой долг. Я поклялся защищать закон, если нужно даже ценой собственной жизни. Как бы я смотрел в глаза своим детям, если бы не сделал этого? – заявил впоследствии следователь Давид Гарридо.
- Нет, мы не были героями. Мы не стремились принести себя в жертву ради политического идеала. Мы были государственными служащими и нам было очень страшно, но мы понимали, что если бы мы покинули свой пост, это значило бы что мы оказались никуда не годными полицейскими – вспоминает командир бригады Хуан Сеоане.

Начинается атака дворца. Танки и вертолеты начинают в упор расстреливать Ла-Монеду

- Мне выдали автомат. Помню, что я взял его в руки и стал рассматривать, не зная что с ним делать. Он был очень тяжелым и я не имел ни малейшего понятия, как с ним обращаться. Так что, покрутив его в руках, я оставил автомат на полу, - вспоминает доктор Артуро Хирон, бывший министр здравоохранения.

В какой-то момент Альенде исчезает из поля зрения защитников Ла-Монеды. Артуро Хирон отправляется на поиски и находит его в одном из офисов возле президентского кабинета, лежащим на полу и стреляющим из автомата в окно. Доктор Хирон кричит ему что-то требуя, чтобы он прекратил стрельбу и перебрался в более безопасное место, но президент не слышит. Артуро Хирон вспоминает:

- Тогда я подполз к нему сзади и схватив его за ноги стал оттаскивать его назад, вглубь кабинета. Сначала он попытался вырваться и обматерил меня, но затем, узнав меня сказал: - А, это ты, Хирончик... Видишь, все оказалось куда серьезнее, чем мы думали...

Альенде собирает всех в одном из салонов. После краткого анализа происходящего переворота, он заявляет:

- Остаться здесь толжны только те кто хочет и может участвовать в бою. Все кто по какой либо причине не могут – должны немедленно покинуть Ла-Монеду. Единственные, кто обязан остаться – это члены моей личной охраны. Ясно? Я не хочу мучеников. Слушайте внимательно, я не хо-чу му-че-ни-ков! Сейчас я попрошу о прекращении огня на несколько минут и вам дадут выйти. Все смотрят на него и друг на друга. Никто не шевелится.

Альенде решает постараться убедить хотя бы женщин. Во дворце их девять, среди них - его обе дочери: Исабель и Беатрис, которая находится на восьмом месяце беременности. У Беатрис с отцом с раннего детства совершенно особые отношения. Они всегда были настолько близки и это расставание ей кажется невозможным.

- Пожалуйста, не осложняйте мое положение, - убеждает-просит-приказывает Альянде, - вы должны уйти и должны сделать это прямо сейчас, до того как начнется бомбежка. Мы связались с команданте Бадиолой из министерства обороны, и я сейчас попрошу о прекращении огня, чтобы вы могли выйти.
- Там, снаружи, нас убьют, президент. Послушайте стрельбу, послушайте... И между тем, чтобы умереть на улице или умереть в Ла-Монеде, я хочу остаться с вами, президент, - говорит журналистка Вероника Аумада, которой двадцать пять лет, но ее длинные черные волосы делают ее моложе своего возраста.
- Нет, вы не умрете, ни снаружи, ни внутри. Вы будете жить. И вы, Вероника, помните, что вы должны написать обо всем этом. Это ваш долг. Они должны выполнить свое обещание о прекращении огня. Вы выйдете оттуда и там вас будет ждать джип..., - президент говорит это очень серьезно, тоном, не допускающим возражений.

Президент просит доктора Хирона помочь ему убедить Беатрис. Он был когда-то ее преподавателем на медицинском факультете и она всегда очень уважала его.

Артуро Хирон пытается найти все возможные и невозможные аргументы:

- Послушай, Тати (уменьшительное от Беатрис), ты здесь станешь больше помехой, чем помощью. Подумай хоть чуть-чуть и ты согласишься. Ты на восьмом месяце... ты должна беречь своего сына... что тебе здесь делать? Сейчас нас будут бомбить, сюда будут падать настоящие бомбы. Мы не сможем беречь тебя. Пожалуйста, уходи. Уходи с остальными женщинами. Твоему отцу нужно, чтобы ты ушла.

Беатрис продолжает молча смотреть на него.

Подходит Альянде:

- Тати, на этот раз я не прошу тебя. Я тебе приказываю. Ты должна уйти и прямо сейчас. Ты мешаешь мне делать то, что я должен. Если ты хочешь помочь мне, ты должна уйти и немедленно. Мне необходимо знать, что ты и твоя сестра вне опасности! Это мое поручение тебе – вытащить отсюда твою сестру и выйти отсюда вместе с этим человечком, который внутри тебя. Понимаешь?..

Они долго молча смотрят друг на друга. Потом он осторожно обнимает ее, обнять ее крепче не позволяет живот Беатрис. На ухо он шепчет ей еще одно задание: «Нужно рассказать миру о том, что произошло здесь. Ты должна помочь в этом, дочь». Времени не остается. Женщины бегом спускаются по лестнице и выходят. Беатрис, любимая дочь президента, никогда так и не оправилась от этого дня и покончила с собой в 1976 году на Кубе.

Чтобы вытащить из Ла-Монеды Марсию, ассистента замминистра внутренних дел, был придуман повод – отправить ее в гараж за машиной одного из следователей. В этот момент над дворцом пронесся первый самолет и упала первая ракета. Было 11:52. Все бросились на пол. От новых и новых ракет, разрывающихся в разных точках дворца, все здание содрогалось и не позволяло удержаться на ногах. Журналист Хоркера был совершенно бледный и не в состоянии ни думать ни действовать. Альянде подполз к нему и потрепал по плечу:

- Нам не страшно, правда? – сказал президент своему старому близкому другу.
- Страшно... нет, Президент... я просто немного испугался... и вот-вот наложу в штаны от испуга, - заплетающимся языком пытается пошутить тот.

Следователь Давид Гарридо в коридоре второго этажа слышит гул приближающегося на бреющем полете самолета. Он вспоминает:

- В каком-то детском фильме о войне говорилось, что когда бомбардировщик пролетает над тобой, нужно сосчитать до трех. Мы услышали свист бомбы упавшей прямо над нами. Взрывная волна отбросила нас на середину лестничного проема. Когда я попытался встать, я чуть не упал назад. Я посмотрел на свои ботинки и увидел что они остались без каблуков. Взрывная волна оторвала их.

Воздушная атака ведется без перерыва. Летчики ВВС безупречно выполняют миссию, десятки ракет попадают в цель, заставляя защитников Ла-Монеды метаться по коридорам пылающего дворца в поисках глотка свежего воздуха и спасаясь от падающих сверху конструкций. Адский грохот разрывов, пыль и дым не позволяют ориентироваться в постоянно сужающемся пространстве. Потом удается найти одну чудом уцелевшую лесницу и все садятся на нее в ожидании смерти, чуда, что начинает казаться уже одним и тем же.

- Это настоящая бойня, - говорит кто-то.
- Что будем делать?
- Мы сгорим здесь все...
- Что делать, Президент?...

Альенде подползает к столу для торжественных приемов, и ложится под него, приглашая жестом следовать за ним. Под столом дышать немного легче. Там он убеждает еще трех из присутствующих покинуть дворец. Его последняя миссия – в спасении жизней близких. С белым флагом они пробираются к выходу, но их встречают пулями. Они возвращаются.

Один из присутствующих направляется на кухню в поисках воды, открывает дверь и видит сидящего на корточках с автоматом между ног умирающего Аугусто Оливареса. Известный журналист, друг и советник президента, директор отдела прессы Национального Телевидения Аугусто Оливарес покончил с собой. Альенде подходит в молчании и не может справиться со слезами.

- Пожалуйста, почтим его память минутой молчания, - глухим голосом просит президент.

На Ла-Монеду пикируют новые самолеты. Дышать становится совершенно невозможно. Альенде принимает решение:

- Все. Теперь сдаемся. Все выходим. Предупредите всех, что все сейчас выходим. Оставьте здесь все оружие... Будем выходить по одному... Сначала выходит...
- А вы, президент?
- Я выйду последним, не волнуйтесь.

Когда все начинают спускаться по лестнице, Альенде возвращается в свой рабочий кабинет, потому что «должен взять некоторые документы». Последние из выходивших слышат, его крик: - «Альенде не сдастся!» и после этого звучит короткая автоматная очередь.

Сентябрь не везде осень. В Чили это весна. Но не любая весна – радость и цветение. Здесь это время боли и памяти, которые время не лечит.

Каждый год 11 сентября мы, чилийцы и нечилийцы, живущие в этой стране идем на центральное кладбище Сантьяго. Сначала – к мемориалу «пропавшим без вести» и казненным, а потом – к могиле Сальвадора Альенде. Нас немного, всего несколько тысяч, потому что все эти тридцать лет из этой страны целенаправленно и постоянно вытравливалась память об этом. Потому что диктатура здесь смогла контролировать не только мысли, но и чувства миллионов чилийцев, разучившихся за эти 30 лет смотреть себе в сердце и другому – в глаза. Потому что человеку, кроме высоких чувств и мыслей, присущ еще и животный страх, и 18 лет диктатуры в Чили, оказались образцовым уроком страха, который большинство жителей этой страны, к сожалению, очень хорошо усвоила. Потому что чилийский флаг на Ла-Монеде, подожженный и сожженный ракетами путчистов – не метафора, а реальность этой страны, которая не смогла больше стать той, что была до 11 сентября.

Многие из участников этих событий стали совершенно другими. Некоторые специалисты по зажигательным революционным речам, обвинявшие Альенде в буржуазном реформизме и 11 сентября спасшие свои драгоценные жизни в иностранных посольствах стали сегодня представителями и администраторами транснациональных корпораций в Чили и в дни подобных годовщин не прочь порассуждать с высоких трибун об ошибках Народного Единства и покаяться в грехах собственной юности. Некоторые другие, скопив стартовый капитал на мировых кампаниях солидарности с Чили, завели собственный бизнес и оставили темы прошлого в прошлом. Другие, некогда юные министры правительства Альенде вернулись к политической власти в составе нынешнего правительства Чили и пытаются убедить нас в возможности неоллиберализма «с человеческим лицом», устало смирившись с невозможностью невозможного. Пожалуйста, сами возьмите эти два последних слова в кавычки.

Поэтому давайте вспомним в эти сентябрьские дни о Президенте Чили Сальвадоре Альенде, жизнь которого вышла за рамки любого времени и смерть которого стала доказательством собственной невозможности. Потому что здесь, в Чили, как сказал Сарاماго, мертвые живы и живые мертвы. И первые весенние цветы, падающие сегодня на могилу Альенде и других наших павших, всегда росли и растут вдоль той самой странной дороги, *по которой пройдет свободный человек, чтобы строить лучшее общество.*

Сентябрь 2003 года
Сантьяго, Чили

Олег Ясинский